

литературоведческого анализа. Основные различия таковы. Компаративистский метод оперирует видимыми тематическими, проблемными, образными параллелями - сквозными историко-литературными "сюжетами", которые способствуют осмыслению целостности литературного процесса, позволяет установить типологические линии, модели, версии литературного процесса. Контекстно-герменевтический подход: 1) обнаруживает скрытые историко-литературные "диалоги", обусловленные единым духовным и культурным континуумом, в котором "общаются" писатели, практически несоотносимые "типологически"; 2) выявленные посредством контекстно-герменевтического подхода контексты максимально продуктивны, ибо открывают возможность нетрадиционного прочтения явлений, и органичны, ибо сформированы столь же органичной, воспроизводящей целостность литературного процесса "мерой" - категорией "тип художественного сознания"; 3) новые контексты предельно интегративны и универсальны, ибо базируются на "диалоге" философии, литературы, культурологии - адекватно синтезному мышлению XX века; 4) "сверхзадача" контекстно-герменевтического метода - реконструирование единого континентального культурного пространства эпохи, которое позволяет выявить специфику и динамику художественного сознания национальной культуры в контексте культуры континентальной и мировой.

В. И. Захарченко

Тюмень

ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО СКАЗОВ ЕРМАКОВА

Лиро-эпическое начало сказов Ермакова порождается тем мировоззренческим комплексом, на базе которого оно вырастает. И тематика сказов, и авторская позиция, и особенности героя, и пафос произведений, и даже речь повествователя и жанровые модуляции - все определяется и скрепляется идеей, лежащей в основании.

Творчество Ивана Михайловича Ермакова приходится на эпоху торжества коммунистической идеи. В жизни страны означились определенные сдвиги к лучшему, росло благосостояние населения, контроль над личностью ослаб, вырос авторитет державы на международной арене. Общество ощущало себя единой монолитной силой. Всякое диссидентство рассматривалось как явление аномальное и поддержки не имело.

И автор, и рассказчик, и герои в сказах Ермакова - в основном, носители коммунистической идеи, которая в этот период, после обещаний Хрущева к 1980 году построить коммунизм, приобретает радужный, футуристический, утопический оттенок. Кроме того, нужно отметить, что данная идеология, откинув все лишнее, все чужеродное, к этому времени адаптировалась к русской почве и рассматривалась населением в качестве одного из вариантов народной идеи общей жизни, воплощением мечты о праведном царстве. Поэтому и в сказах Ермакова идеологическое тонет, растворяется в народном, и автор, и рассказчик, и герои ощущают коммунистическую идею как некую мировоззренческую константу.

Еще М. А. Ватин писал: "Образ советского современника - героя Октября, прославление его героического подвига - главное в творчестве И. Ермакова". И автор, и рассказчик искренни в своей преданности идеям коммунизма - они принадлежат к поколению, выросшему в Советском государстве, вскормленному и выпестованному им, а потому с таким героизмом и самоотверженностью сражавшемуся на фронтах Великой Отечественной. Это поколение почти полностью погибло, и идеалы, которые отстаивали погибшие, для оставшихся в живых священны и ревизии не подлежат.

Поэтому в сказах Ермакова насмешка над идеей и тем более сарказм отсутствуют - осмеянию подвергаются противники идеи, не видящие столь очевидного ее превосходства, а также герои несовершенные, с тем или иным пороком: глупостью, ленью, нравственной глухотой, жадностью. Более того, образы врагов смешны, показаны в преувеличенно карикатурном, нестрашном виде, так как уже подвергнуты историей полному осмеянию.

Тематика сказов касается наиболее важных этапов в жизни Советского государства: революции, эпохи зарождения, создания нового мира, Великой Отечественной войны, времени испытания на прочность социалистического строя, послевоенного строительства, эпохи окончательного торжества, утверждения нового мира - своеобразного предкоммунизма, от которого до праведного царства, до рая на Земле рукой подать.

Все эти темы, в силу своей значимости, требуют эпического подхода. Проза Ермакова в этом плане является закономерным фактом в контексте всей советской прозы, в которой наблюдается в 50-60-е годы активизация "воспроизведения в монументальной, идеализированной форме поведения и деяний человека героического

времени" как в крупных и средних, так и в малых жанрах (рассказ-эпопея М. А. Шолохова "Судьба человека").

Герои сказов Ермакова - эпические богатыри, и физически, и духовно (Мамонт Котов из "Богини в шинели", Константин Гуселетов из "Кости-египтянина"). Даже когда их внешний вид явно контрастирует с представлениями о богатырстве (Аркадий Корнилов из "Сибирского клиента", Берестышко из "Голубой стрекозы", Савостьяк Горошек из "Стоит меж лесов деревенька"), они совершают подвиги: или военные, или трудовые, или нравственные.

Антигерои (Карлушка из "Богини в шинели", Филька Казненный Нос из "Голубой стрекозы", Захарка Бадрызлов из "Стоит меж лесов деревенька") достойны не более чем осмеяния, по этой причине конфликт как организующее начало сюжета ослаблен: зло почти полностью посрамлено, уничтожено, и даже смерть героя показана не через призму трагического, а как утверждение, торжество положительных начал мира. Мажорное звучание большинства трагических финалов знаменует победу не только коммунистической идеи, но добра над злом, нравственного над безнравственным, высокого над низким. В сказах Ермакова мы видим эпоху торжества разума - утопическую модель настоящего, отражающую последнюю в истории попытку рационалистического переустройства мира. Советская реальность представлена на грани бесконфликтности, в момент зарождения новой, высшей организации общества.

По этой же причине почти отсутствует внутренний конфликт - положительный герой Ермакова внутренне завершен, целостен и не способен на низкие поступки. Целостность, завершенность героя на фоне совершенного мироустройства порождает монументальность, соединение индивидуального и общего создают однородность, подобную однородности эпических картин.

Юмор, добродушная усмешка, эмоциональность повествования, богатейшая палитра языка напрямую связаны с образом рассказчика. Рассказчик в сказах Ермакова - человек увлекающийся, поющий славу людям и природе холерик. Он одаренный душой и словом самородок, и его голос близок авторскому голосу, их позиции если не подобны, то находятся рядом.

Способ сказывания в произведениях писателя напрямую связан с манерой исполнения народных сказителей, не случайно и дед и мать Ивана Михайловича отличались умением ярко и образно говорить - умением сказывать: создавать настроение, атмосферу общения,

единения со слушателем, поглощенным не только тем, о чем говорится, а и тем, как говорится.

Особый тип рассказчика, близкий сказителям народных сказок и бывальщин, в соединении с остальными конструктивными элементами рождает особое лиро-эпическое начало сказов Ермакова.

В них превалирует языковая стихия: манера повествования господствует над сюжетом. Сказ Ермакова лежит на грани поэзии и прозы, являясь порождением поэтики народного речения как некой архаической формы повествования, где ритмическая организация, работа над словом, его звучанием параллельна работе над образами, сюжетом и композицией. Отсюда - иной, чем в прозе, удельный вес каждого слова: оно более значимо, более насыщено, эмоционально окрашено, несет больший личностный колорит. По своему качеству язык сказов Ермакова приближается к языку поэзии. Наличие яркого образного строя, лиризм делают речь рассказчика поэтически звучащей, воздействующей на слушателей в момент говорения, поражающей красотой и задушевностью. Именно такое слово, льющееся, завораживающее, организует пространство ермаковского сказа.

В соединении лирического и эпического обнаруживаются основные черты сказов Ермакова, проявляется своеобразие и неповторимость творческой манеры писателя, его связь с эпохой.

А. М. Зотов
Кемерово

НОВЫЙ И ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЦЫ КАК ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Новый и Пискаревский летописцы (НЛ и ПЛ) представляют собой наиболее значительные летописные памятники официального и неофициального летописания. Если для НЛ, вышедшего из официальных кругов, характерна четкость идеологической позиции его составителя, то в компилятивном ПЛ нет единства политических взглядов на события и лица "Смуты".

В ПЛ, как и в НЛ, отправление на удел в Углич царевича Дмитрия изображается как дело одного Федора Ивановича и совершенно не говорится об участии в нем Бориса Годунова. Оба автора одинаково сообщают о гонениях на Нагих, последовавших вслед за смертью Грозного. Однако составитель ПЛ не прослеживает историю постепенного возвышения Годунова, как это делает автор НЛ, он даже